

**Помощь КНР и РФ Сирии в целях развития
в контексте проблем региональной безопасности
(2011–2019 гг.)**

**China and the Russian Federation's Assistance
for Development to Syria in the Context of Regional
Security Problems (2011–2019)**

УДК 327.81, 339.96

Получено: 25.11.2019 Одобрено: 01.12.2019 Опубликовано: 25.12.2019

Чикризова О.С.

канд. ист. наук, старший преподаватель кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов
e-mail: chikrizova-os@rudn.ru.

Chikrizova O.S.

Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer, Department of Theory and History of International Relations, RUDN University
e-mail: chikrizova-os@rudn.ru.

Давлетшина Э.А.

магистрант 2 года обучения, кафедра теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов
e-mail: davletshina.96@yandex.ru.

Davletshina E.A.

Master's Degree Student, Department of Theory and History of International Relations, RUDN University
e-mail: davletshina.96@yandex.ru.

Курочкина В.А.

магистрант 2 года обучения, кафедра теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов
e-mail: vikakuroschkina@gmail.com.

Kurochkina V.A.

Master's Degree Student, Department of Theory and History of International Relations, RUDN University
e-mail: vikakuroschkina@gmail.com.

Аннотация

Цель статьи состоит в выявлении и сопоставлении интересов России и Китая в оказании Сирии помощи развитию в контексте проблем безопасности региона Ближнего Востока. Основное содержание исследования составляет анализ места Сирии в географических приоритетах России и Китая, а также отраслевых приоритетов содействия международному развитию (СМР) России и Китая посредством изучения

данных об объемах помощи, предоставленной Россией и Китаем Сирии в рамках реализации программ СМР. В данной работе авторами был применен сравнительно-сопоставительный метод, включающий элементы как количественного, так и качественного анализа.

По итогам исследования авторами сделан вывод о том, что, несмотря на ярко выраженное желание РФ участвовать в послевоенном восстановлении Сирии, очевидно, что у страны нет такого количества средств, чтобы большая часть инвестиций шла именно от нее. Поэтому российские власти осознают необходимость привлечения и других государств к процессу восстановления Сирии. Одним из таких государств является Китай. Практическая значимость исследования состоит в выявлении тех направлений сотрудничества в рамках СМР, по которым Россия и Китай могут взаимодействовать в Сирии на условиях взаимной выгоды. Речь идет, в первую очередь, о восстановлении энергетической инфраструктуры Сирии, сферы здравоохранения и образования.

Ключевые слова: Ближний Восток, региональная безопасность, Сирия, сирийский кризис, Россия, Китай, содействие международному развитию.

Abstract

The purpose of the article is to identify and compare the interests of Russia and China in providing Syria with development assistance in the context of security problems in the Middle East. The authors analyse the place of Syria in the geographical priorities of Russia and China, as well as industry priorities for promoting international development (IDA) of Russia and China by examining data on the volumes of assistance provided by Russia and China to Syria in the framework of the implementation of IDA programs. In this work, the authors applied a comparative method that includes elements of both quantitative and qualitative analysis.

According to the results of the study, the authors concluded that, despite the pronounced desire of the Russian Federation to participate in the post-war reconstruction of Syria, it is obvious that the country does not have such an amount of funds that most of the investment came from it. Therefore, the Russian authorities are aware of the need to involve other states in the process of rebuilding Syria. One of such state is China. The practical significance of the study is to identify those areas of cooperation within the framework of construction and installation work, in which Russia and China can interact in Syria on conditions of mutual benefit. It is, first of all, about the restoration of Syria's energy infrastructure, healthcare and education.

Keywords: Middle East, regional security, Syria, the Syrian crisis, Russia, China, international development assistance

Ключевые проблемы безопасности Ближнего Востока

Ближневосточный регион является одним из ключевых, но в то же время наиболее нестабильных в мире. Огромное количество запасов энергетических ресурсов, стратегически важные воздушные, морские и сухопутные развязки, которые, прежде всего, являются наиболее значимыми в контексте мировой экономики и экспорта нефти и газа, значительная численность населения, большинство которого составляет молодежь, – все это определяет место Ближнего Востока среди других регионов мира.

В то же время наиболее важной характерной особенностью Ближнего Востока является то, что он представляет собой наиболее нестабильный регион мира, в котором происходят конфликты и войны внутри и между странами, а также сталкиваются интересы крупных мировых держав. Ближневосточное направление внешней политики является приоритетным для многих государств, определяющих мировую политику в

целом. В первую очередь, это обусловлено рядом экономических факторов, среди которых: стремление влиять на мировой энергетический рынок (прежде всего, это выгодно для стран – экспортеров нефти), получение и сохранение крупного рынка сбыта оружия и продовольственных товаров.

Стоит отметить, что военно-политическая нестабильность также является одной из причин, по которой государства считают жизненно необходимым для собственной национальной безопасности участие во внутренних делах ближневосточного региона. Центральным и ключевым конфликтом второго десятилетия XXI в., безусловно, можно обозначить сирийский кризис, который за достаточно продолжительный период (с 2011 г.) втянул в себя огромное количество акторов и стал некой «площадкой» столкновения интересов мировых и региональных держав, среди которых Россия, США, Иран, Саудовская Аравия, Турция и Катар. Следует упомянуть, что есть также ряд государств, которые проявляют заинтересованность в Сирии либо ощутили на себе влияние сирийских событий и используют другие инструменты для воздействия на ситуацию. Речь идет о дипломатической поддержке и поставках воюющим сторонам оружия и ресурсов, разрешение вопросов, связанных с проблемой беженцев и т.д. Среди таких государств выделяют Китай, Белоруссию, Венесуэлу, Иорданию, Ливан.

Также стоит обратить внимание на рост мощи и численности радикальных исламистских группировок, которые представляют главную угрозу безопасности на Ближнем Востоке и в мире. Однако наличие террористических группировок, которые в контексте современных международных отношений прошли процесс трансформации в сетевые группировки – ключевая проблема, учитывая наличие разногласий между сторонами-участницами сирийских событий в вопросах идентификации и причисления тех или иных формирований к числу террористических группировок. Теневой характер финансирования и поддержки исламистов вносит дополнительные проблемы в процесс борьбы с терроризмом.

Стоит отметить, что Сирия – лишь один из крупнейших очагов активности террористических группировок. Рост активности радикальных исламистов – общая тенденция, характерная для региона.

Необходимо отметить также и географический фактор, который позволил перерасти гражданской войне в Сирии в более масштабное столкновение на региональном и мировом уровне. Сирийская Арабская Республика имеет крайне выгодное географическое положение и издавна считалась «сердцем» Ближнего Востока, являясь центром торговли и важным хабом в транспортировке энергетических ресурсов. Поэтому ряд участников конфликта, поддержавших режим Б. Асада, не могут себе позволить потерять влияние и союзника в лице Сирии. Страны же, оказавшие поддержку силам оппозиции, сочли ситуацию выгодной для установления контроля над этой важнейшей территорией. Например, с точки зрения США, «заполучив» Сирию, Вашингтон мог рассчитывать на разрушение жизненно необходимой для Ирана, главного соперника США в регионе, как с точки зрения национальной безопасности, так и сохранения баланса сил в регионе оси Тегеран – Дамаск – Бейрут [12, р. 135–136]. Данная стратегия хоть и не являлась ключевой для США в Сирии, однако в случае благоприятного исхода сирийских событий для Соединенных Штатов от этого выиграла бы в первую очередь Саудовская Аравия – один из ключевых союзников США на Ближнем Востоке.

Таким образом, нестабильность в Сирии была обусловлена целым рядом факторов. Длительный кризис, последовавший после ряда протестов, которые начались в рамках событий, получивших название «Арабская весна», обрели совершенно иной характер, нежели опыт других стран региона. Если до сирийских событий Ближний Восток находился под серьезным влиянием лишь одной крупной мировой державы в лице

Соединенных Штатов, то вмешательство России не позволило Вашингтону придерживаться выработанного привычного плана действий относительно стран с режимами, не проявляющими лояльности по отношению к США. Если рассматривать крупных ключевых игроков мирового и регионального уровня, то можно заметить, что практически все страны также являются крупными игроками на мировом энергетическом рынке. Речь идет, прежде всего, о России, США, Саудовской Аравии, Иране и Катаре. В контексте геоэкономических причин войны в Сирии не стоит также забывать о проекте катаро-турецкого газопровода, который предположительно должен был пролегать через территорию Сирии и поставлять катарский газ на европейский рынок, что было бы крайне невыгодно для РФ [10, с. 75]. Однако несогласие официального Дамаска на осуществление проекта сыграло определенную роль и стало одним из факторов, повлиявших, во-первых, на вмешательство ряда стран региона в сирийский кризис на стороне оппозиции (в первую очередь, речь идет о Катаре и Турции и их позиций на начальном этапе конфликта), а, во-вторых, и на вступление в войну России, которая сыграла одну из ключевых ролей в удержании Б. Асадом власти.

Несмотря на союзнические отношения стран, находящихся по разные стороны баррикад, одни – на стороне официального Дамаска, другие – на стороне оппозиции, следует полагать, что национальные интересы стоят превыше союзнических отношений между государствами, вовлеченными в войну в Сирии. Длительность конфликта говорит, прежде всего, о том, что каждая из сторон до последнего пыталась отстаивать собственные интересы. Об этом свидетельствует огромное количество площадок, созданных для переговоров по урегулированию сирийского конфликта, с разной степенью эффективности, однако доказывающих степень заинтересованности в Сирии с ее географическим положением и статусом центра Ближнего Востока. Нежелание сторон идти на компромисс свидетельствует не столько об их желании стабилизировать обстановку в стране, сколько об их нежелании утратить влияние как на саму Сирию, так и на соседние государства.

Если взглянуть на ситуацию в Сирии, то можно предположить, что обеспечение безопасности в данной стране является приоритетным и выгодным далеко не для всех стран. Однако наиболее важным является тот факт, что страны-союзницы официального Дамаска, который по факту оказался победителем, заинтересованы в завершении кровопролития в Сирии, скорейшего восстановления и обеспечения безопасности в данной области важнейшего ближневосточного региона.

Связка «безопасность – развитие»

В связи с актуализировавшимися проблемами безопасности как в регионе Ближнего Востока и Северной Африки, так и в Сирийской Арабской Республике, являющейся объектом данного исследования, особую важность приобретает такое направление внешнеполитической деятельности государств, как содействие международному развитию (СМР). В случае с САР, масштабный конфликт в которой длится уже 8 лет, тема СМР является крайне важной ввиду того, что вооруженная стадия конфликта в этой арабской стране подходит к концу и на первый план выходит восстановление Сирии с целью устранения разрушительных последствий войны и недопущения нового витка напряженности, как в самой стране, так и в регионе в целом.

Сегодня СМР приобретает все большую актуальность во внешнеполитической линии ряда государств [7, с. 48]; появляются так называемые «новые доноры» (именно к ним относят Россию и Китай). Также сфера СМР модернизируется сама по себе. К примеру, как пишет известный специалист в данной области В.И. Бартенев, относительно недавно произошел такой феномен, как секьюритизация сферы СМР [1, с. 37]. Если ранее СМР воспринималось исключительно как помощь развивающимся

странам в целях развития их экономики и их включенности в мировое хозяйство, то в XXI в., с повышением уровня и количества угроз безопасности, на первый план вышло понимание такого момента: помогать развивающимся странам необходимо в первую очередь для того, чтобы низкий уровень жизни в этих странах не приводил к разгулу бандитизма, наркотрафика, терроризма и других серьезных проблем, принявших на сегодняшний день глобальный характер. Лидеры государств, исследователи в этой сфере пришли к тому, что именно низкий уровень жизни и экономик в развивающихся странах приводит к отсутствию в них безопасности. Соответственно, для борьбы с данной проблемой, в первую очередь, такие страны, как США, Великобритания, страны ЕС, а также «новые доноры» (Россия, Китай) приняли решение активизировать участие в СМР.

Необходимо отметить, что такое направление, как СМР зародилось уже после окончания Второй мировой войны и выражалось в помощи США пострадавшим после войны странам-союзникам с целью восстановления их разрушенных экономик. В период Холодной войны помощь со стороны США и возродившихся экономик Европы (Великобритания, Франция) приобрела идеологическую окраску в контексте борьбы двух конкурирующих систем (капитализма и социализма), а также обуславливалась некими обязанностями бывших метрополий перед их бывшими владениями [3, с. 138]. Страны-доноры, в особенности США, выбирали стран – реципиентов СМР в зависимости от их геополитической ценности. В частности, одной из главных арен «противостояния» капитализма и социализма стал Ближний Восток. Как известно, часть стран были союзниками США, а другая часть – союзниками Советского Союза. Однако, как отмечает В.И. Бартнев, такая помощь не всегда оказывалась продуктивной для развивающихся стран, так как зачастую она использовалась руководителями стран-реципиентов в личных целях, что не только не содействовало развитию этих государств, но и препятствовало ему, невольно содействуя коррупции [1, с. 39].

Окончание Холодной войны, распад Советского Союза, социалистического лагеря, и, соответственно, крах одной из конкурирующих моделей (социализма) в целом, привело к деидеологизации СМР, и объемы помощи развивающимся странам несколько уменьшились, так как это направление внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности отошло на второй план. Однако такая ситуация сохранялась недолго. Направление СМР вновь актуализировалось во второй половине 1990-х гг., когда, по мнению В.И. Бартнева, начался новый этап «секьюритизации» сферы СМР, что было обусловлено ростом числа внутренних конфликтов и кризисов внутри развивающихся государств и в очередной раз поставило на повестку дня взаимосвязь между безопасностью и развитием. На этот раз инициативу в этом вопросе на себя взяла ООН. Появилось такое понятие, как «гуманизация безопасности», в котором на первое место ставились человеческая безопасность и человеческое развитие [1, с. 39]. В Докладе о человеческом развитии ООН 1994 г. говорилось о том, что при отсутствии этих двух компонентов ситуация в стране может обостриться и привести к вооруженному насилию [1, с. 39].

Следующий важный для данного исследования момент заключается в том, что в тот же период произошло переосмысление таких понятий, как «мир» и «миростроительство», что нашло отражение в отчете «Повестка дня для развития» (1994 г.) Генерального секретаря ООН Б. Бутроса Гали¹.

В документе подчеркивалось, что развитие – это неотъемлемое условие достижения мира. При этом имелся в виду не только «негативный мир», подразумевающий отсутствие конфликта, но и «позитивный мир», представляющий собой ситуацию, при

которой отсутствуют сами причины для начала внутренних конфликтов, и «позитивный мир» достигается путем укрепления «человеческой безопасности».

В контексте сирийского кризиса и его нынешней стадии постконфликтного восстановления особое значение приобретает документ под названием «Дополнение к Повестке дня для мира» (1994 г.). Он развивал идеи, отраженные в отчете Генерального секретаря ООН Б. Бутроса Гали «Повестка дня для мира: превентивная дипломатия, миротворчество и поддержание мира» (1992 г.). Данные документы рассматривали миростроительство только как часть постконфликтного урегулирования конфликтаⁱⁱ; условия для восстановления мира необходимо создать заранее, еще до завершения конфликта в стране. Наиболее важно заняться восстановлением экономики страны, реформированием институтов власти, обеспечить защиту прав человека и т.д. Именно такими принципами и руководствуются страны Астанинского формата (Россия, Иран, Турция) в ходе урегулирования сирийского кризиса, начав предпринимать шаги по восстановлению мирной жизни в арабской республике еще до завершения военных действий.

На сегодняшний день главным ориентиром, которому следует мировое сообщество в СМР, являются Цели развития тысячелетия, принятые на Саммите тысячелетия ООН в 2000 г. и закрепленные в Декларации тысячелетия [1, с. 37]. К ним относится борьба с такими проблемами, как бедность, голод, болезни, безграмотность населения, расовая дискриминация и дискриминация в отношении женщин и мн. др.ⁱⁱⁱ. Улучшение в этих сферах должно было быть достигнуто к 2015 г., однако данный оптимизм быстро сошел на нет. Международному сообществу стало ясно, что выполнение поставленной задачи затруднено начавшимся мировым финансовым кризисом (2008 г.), высоким уровнем коррупции в ряде стран, многочисленными войнами и конфликтами, а также такими сложно управляемыми факторами, как климатические изменения, стихийные бедствия и т.д. Ситуация действительно непростая, однако страны-доноры не перестали оказывать СМР нуждающимся в этом странам-реципиентам. Отличаются лишь региональные приоритеты каждой страны-донора.

К сфере содействия международному развитию или, как еще говорят, помощь развитию (ПР) не относятся военная помощь и военно-техническое сотрудничество, а вот гуманитарная помощь считается частью данного направления [3, с. 139]. ПР делится на частную и государственную. Первая осуществляется, главным образом, неправительственными организациями, благотворительными и частными фондами. Государственная помощь развитию может осуществляться либо в форме официальной помощи развитию (ОПР) в рамках деятельности Комитета по содействию развитию (КСР) Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), либо напрямую странами-донорами, не входящими в данную организацию, в рамках двусторонних отношений или многосторонних форматов. В первом случае страна-донор напрямую передает средства стране-реципиенту, во втором страны-доноры прибегают к помощи международных организаций, получающих средства от одной или целого ряда стран-доноров [6, с. 100].

Место Сирии в географических приоритетах российских программ СМР

Начиная исследование географических приоритетов России во внешней политике, необходимо отметить, что Ближний Восток в этом списке находится далеко не на первом месте. Согласно Концепции внешней политики РФ 2016 г., региональные приоритеты государства распределяются в следующем порядке: страны СНГ, ЕС, США, Юго-Восточная Азия и лишь затем идет Ближний Восток^{iv}. В целом, это вполне логично, так как на первом месте во внешнеполитических приоритетах всегда стоят отношения с приграничными странами.

Тем не менее, нельзя умалять значение этого региона во внешней политике РФ. На это указывает, к примеру, то, что важное место в концепции внешней политики РФ уделено борьбе с такими глобальными проблемами, как международный терроризм, нераспространение оружия массового уничтожения (ОМУ), создание зон, свободных от ОМУ (одной из которых должен стать Ближний Восток), поддержание информационной, энергетической безопасности и мн. др.

Чем же обусловлена заинтересованность России в Сирийской Арабской Республике? Дипломат М.С. Ходынская-Голенищева, плотно занимающаяся данной проблематикой и знакомая с ситуацией лично, так как работала в Сирии в качестве дипломатического работника, выделяет следующие группы причин, объясняющие позицию Москвы по сирийскому кризису:

- внутренне-локальные соображения;
- глобальные соображения [11, с. 667].

Что касается *внутренне-локальных соображений*, здесь все напрямую связано с национальной безопасностью РФ, что также перекликается и с темой данного исследования – СМР и секьюритизации сферы СМР. Здесь основным мотивом является недопущение фрагментации и ослабления постсоветского пространства и самой России [11, с. 667]. РФ важно было на деле продемонстрировать свою приверженность принципам суверенитета государства, его территориальной целостности и невмешательства во внутренние дела. Уже из этого последовали такие задачи, как акцент российской внешнеполитической деятельности на недопустимость неконституционной смены власти в САР (дабы не продолжать создание прецедентов в этом направлении) и на борьбу с международным терроризмом, который, активно разрастаясь на территории Сирии, вполне мог перекинуться (и перекинулся) на другие регионы мира, и, в частности, на близкий к России Кавказ. В Концепциях внешней политики РФ 2013 г. и особенно 2016 г. особое внимание уделено именно борьбе с международным терроризмом.

Однако необходимо разъяснить, что помощь России Сирии обуславливается не безоговорочной поддержкой конкретно личности Б. Асада, а лишь поддержкой законно избранной власти и недопущения смещения ее при помощи переворота. Россия выступает именно за политическое и дипломатическое урегулирование ситуации, делая акцент на активизации внутрисирийского диалога и создания новой конституции страны, учитывающей интересы всех сторон и соответствующей новым реалиям Сирии. Проект подобного документа был предложен Российской Федерацией^v.

Говоря о *глобальных соображениях*, нужно отметить, что для Российской Федерации успешное участие в урегулировании сирийского кризиса стало прекрасной возможностью вернуть сильные позиции на международной арене. К России стали прислушиваться участники международного сообщества, ряд предлагаемых ей инициатив стал воплощаться в жизнь и действительно влиять на ход событий в положительном ключе, а также у нее прибавилось количество союзников. Нельзя не отметить, что и в арабском мире четкую непоколебимую позицию РФ оценили по достоинству, причем не только страны, которые в прошлом были традиционными союзниками СССР (Египет, Алжир, Ирак и др.), но и «новые» партнеры, такие как ОАЭ и КСА. К тому же Россия смогла укрепить свои позиции в Восточном Средиземноморье. РФ получила в бессрочное и безвозмездное пользование авиабазу Хмеймим, где с августа 2015 г. базировались российские ВКС, принимавшие участие в вооруженных операциях на территории Сирии. Так же Россия получила права на порт Тартус и подписала с САР соглашение о расширении территории пункта материально-технического обеспечения российского флота в районе порта Тартус до 24 га сроком на 49 лет [11, с. 668].

Действительно, благодаря ряду инициатив, предложенных Российской Федерацией и новому переговорному формату Астанинской тройки (РФ, Иран, Турция), реальность в Сирии стала меняться. Значительное влияние оказало создание зон деэскалации^{vi} и облегчение доставки туда гуманитарных грузов, а также проведение Сирийского национального конгресса в Сочи, где диаметрально противоположные стороны впервые пришли к диалогу и постарались услышать друг друга, а также была запущена работа по созданию Конституционного комитета^{vii}. Практически полный разгром террористических организаций, действовавших на территории САР (под контроль сирийского правительства к моменту написания статьи вернулось 96% территорий), позволил задуматься о возвращении сирийских беженцев на родину. Активная работа над претворением в жизнь данной инициативы также идет довольно успешно.

Теперь восстановление экономики и других сфер жизни Сирии стало реальным и вышло на первый план. Однако, как указывалось ранее, еще в 1994 г. в отчете «Повестка дня для развития», подготовленном Б. Бутросом Гали, было доказано, что развитие является необходимым условием для достижения мира. Поэтому, по факту, миростроительством в Сирии занялись еще до окончания военного конфликта (к примеру, инициатива о создании зон деэскалации появилась в 2017 г.).

Безусловно, Россия крайне заинтересована в восстановлении и стабильности Сирии, и тому есть ряд причин. Как и во времена СССР, Сирия на сегодняшний день стала одним из ключевых союзников России на Ближнем Востоке. Интернационализировавшийся сирийский кризис стал ареной столкновения влиятельных мировых игроков и то, что в итоге в Сирии по факту сохранилась справедливость, и развал страны не был допущен, является заслугой России, укреплением ее положения, как в ближневосточном регионе, так и на мировой арене. Также благодаря своему весомому вкладу в военную операцию в Сирии и победе над террористическими группировками, действовавшими в этой стране, Россия рассчитывает на экономические дивиденды от участия в восстановлении САР. К тому же, Россия, Иран и Китай, по мнению сирийского правительства, являются «дружественными странами» и в послевоенном восстановлении Сирии предпочтение отдается им, а вот представителям стран Запада и США придется заслужить доверие сирийского руководства для того, чтобы принять участие в возрождении экономики Сирии и получить взаимовыгодные контракты [2, с. 756].

Место Сирии в географических приоритетах китайских программ помощи развитию

Китайская Народная Республика (КНР), будучи одной из крупнейших экономик мира, придерживается концепции многополярности, в рамках которой оставляет для себя места как одного из мировых политических и экономических центров. Распространение влияния Китая характерно тем, что главная цель Пекина – максимальная экономическая выгода, без какого-либо идеологического влияния. Однако, когда речь заходит о ближневосточном регионе, то здесь можно проследить активность Китая в сфере безопасности. Об этом свидетельствует ряд мер, принятых КНР относительно данного региона: содействия в борьбе с пиратством в Аденском заливе в 2008 г., вмешательство в гражданскую войну в Ливии в 2011 г., предоставление миротворцев силам ООН для миссии в Судане в 2012 г.^{viii}

Подобного рода заинтересованность в сфере безопасности можно связать с ростом присутствия Китая на Ближнем Востоке как потребителя энергетических ресурсов, а также с географической близостью к данному региону. Более того, на XVIII съезде Коммунистической партии Китая (КПК) в 2013 г. Ближний Восток был отнесен к числу

«соседей»^{ix}. Таким образом, данный регион является одним из приоритетных направлений внешней политики КНР.

Заинтересованность Китая в присутствии на Ближнем Востоке связана с энергетической безопасностью, поскольку растущая экономика страны требует вливания в нее огромного количества ресурсов, которые требуется закупать из государств соседнего региона. С этим также связано вложение значительных сумм в сферы энергетики стран региона, прежде всего, в зону Персидского залива [4, с. 23].

Внешнеполитический принцип Китая, согласно которому во главе угла стоят максимальная экономическая выгода и прагматизм, позволяет поддерживать выгодные отношения как с монархиями Персидского залива, так и авторитарными государствами, среди которых Сирия, Ливан, Ирак и др. Это связано, прежде всего, с особенностью китайского подхода, который не навязывает странам-партнерам собственную политическую идеологию.

Заинтересованность Китая в присутствии в поствоенной Сирии привлекает внимание мировой общественности. Позиция Пекина в ходе войны была достаточно осторожной, в первую очередь в наиболее трудный для Б. Асада период.

Предполагается, что КНР рассчитывала на дальнейшее сотрудничество с САР, вне зависимости от исхода войны и внутривосточной обстановки в Сирии в поствоенный период. Стоит отметить, что Сирия традиционно была приоритетным направлением для китайских инвестиций даже в сравнении с нефтяными странами Залива и Ираном. Это связано с появлением проекта «Один пояс, один путь» (ОПОП), который подразумевает создание новых экономически выгодных торговых и транспортных путей с привлечением развивающихся стран для активного участия в мировой экономике. Особое место в реализации сухопутного пути из Китая в Западную Азию и к Средиземному морю занимает регион Леванта. Подобный путь должен стать альтернативой поставки китайской продукции в Европу через Суэцкий канал, но более выгодным и коротким.

Для осуществления проекта также планируется реконструкция железнодорожного пути Триполи – Хомс. Однако, несмотря на наличие порта Триполи в Ливане, Китай обращает большое внимание на безопасность сирийских портов, поскольку они являются менее интегрированными^x.

В связи с геостратегической важностью Сирии для Китая очевидно, что КНР станет ключевой страной в рамках восстановления страны после разрушительной войны. Стоит предположить, что в связи со степенью значимости данной территории для масштабного проекта ОПОП, Китай также будет заинтересован в поддержании безопасности в стране и недопущении очередного роста радикального исламизма и влияния террористических группировок.

В 2017 г. на Международной выставке и конференции по инвестициям в проекты и реконструкции Сирии было заявлено, что КНР готова выделить 2 млрд долл. США. Позже, на Форуме сотрудничества «Китай – арабские страны» было объявлено о выделении кредитов и помощи на еще 23 млрд долл. США для арабских стран^{xi}. Вероятно, «львиная доля» от данной суммы предназначена для Сирии. Очевидно, что эти суммы не позволят покрыть все расходы, однако больше этого пока предложить никто не может. Страны Запада не готовы вкладывать значительные средства, поскольку не удовлетворены исходом войны. Традиционный союзник Сирии в лице Ирана находится в крайне сложном экономическом положении в связи с жесточайшими санкциями США. Россия непременно будет принимать участие в восстановлении Сирии, однако доминирующая позиция, вероятнее всего, будет отдана Китаю.

Китай также планирует принимать активное участие в развитии промышленности Сирии и делиться собственным опытом, как только это позволит осуществить оптимальный уровень безопасности, в обеспечении которой больше всего заинтересована КНР.

Таким образом, несмотря на обширность государств и регионов, где стремится закрепиться Китай и извлечь экономическую выгоду от сотрудничества, среди которых страны Центральной Азии и стремительно осваивающаяся Африка, Сирия занимает одно из приоритетных мест. Это связано, прежде всего, с относительной географической близостью и отведенной ей ролью в рамках проекта «Один пояс, один путь». Стоит отметить, что еще до начала войны в Сирии Китай был на первом месте по товарообороту для Сирийской Арабской Республики.

Вероятнее всего, Китай возглавит процесс восстановления инфраструктуры и промышленности САР. Как и в Москве, в Пекине рассчитывают, что страны БРИКС займут доминирующие позиции в данном процессе [9, с. 10]. После огромного количества вложенных сил и средств в борьбу с терроризмом Россия не может себе позволить потерять влияние в Сирии. Но поскольку Москва не может позволить себе взять все расходы по восстановлению страны, некоторые города которой были практически полностью разрушены, Россия более склонна к помощи стран-союзниц в условиях непростой политической обстановки в мире.

Проанализировав внешнеполитический курс России и Китая, было выявлено, что ни для одного из двух государств Ближний Восток не входит в число основных приоритетов, поскольку наивысшим приоритетом для любого государства является его национальная безопасность и, в соответствии с этим, первоочередную важность представляют отношения с приграничными странами: в случае с РФ речь идет, в первую очередь, о странах СНГ, а в случае с КНР – о странах Юго-Восточной Азии. Далее актуальным является сотрудничество с ведущими мировыми державами, такими как США, Великобритания, страны ЕС, Россия – для Китая и Китай – для России.

Тем не менее, необходимо все же отметить наличие высокой степени заинтересованности и РФ, и КНР в ближневосточном регионе. Для России этот регион представляет интерес как для одной из ведущих стран-экспортеров нефти, а для Китая с его мощной растущей экономикой – как для крупнейшей страны-импортера.

Что касается непосредственно Сирии, то характер заинтересованности РФ и КНР в этом арабском государстве будет существенно отличаться. Это обусловлено разными подходами к формированию внешнеполитического курса: если для РФ заинтересованность в САР обусловлена геостратегическими мотивами, то в случае с КНР речь идет о геоэкономических мотивах. Стоит отметить, что исключительный характер китайской внешней политики базируется на прагматичном подходе, основой которого является поиск экономической выгоды. Представляется, что более весомую роль в процессе восстановления Сирии сыграет Китай.

Для России же участие в урегулировании сирийского конфликта стало возможностью вновь получить роль одной из ведущих мировых держав и оказывать влияние на ход событий на международной арене. К тому же, начав принимать участие в урегулировании сирийского кризиса, Россия смогла «вернуться» на Ближний Восток. Если во времена существования СССР у него было много союзников в ближневосточном регионе, с которыми поддерживались действительно крепкие отношения и тесное сотрудничество, то с распадом Советского Союза и появлением России на карте мира в качестве его правопреемницы стране на долгое время стало не до Ближнего Востока. Во внешней политике РФ в то время ориентировалась совсем на другие направления, к тому же в стране долгое время было тяжелое внутреннее положение. Однако в случае с таким геостратегически важным регионом не иметь с

ним плотных контактов представляется непозволительным. Поэтому на сегодняшний день благодаря успешному участию в урегулировании сирийского кризиса Россия смогла вернуться на Ближний Восток, а Сирия, как и во времена СССР, стала одним из главных союзников РФ в регионе. Внося большой вклад в победу сирийского правительства в этой войне, Россия получила право на экономические дивиденды от участия в восстановлении Сирии. Однако, осознавая, что ущерб от военных действий САР был причинен колоссальный, РФ делает акцент на привлечении как можно большего количества участников в процесс послевоенного восстановления Сирии.

Отраслевые приоритеты России в СМР Сирии

Переходя к вопросу реализации Россией проектов в рамках СМР, начать нужно с того факта, что Россия стала страной-донором относительно недавно, в 2005 г., и относится к так называемым «новым донорам». Однако некоторые исследователи также называют ее «старым новым донором», так как Россия является правопреемницей СССР, который в свое время принимал активное участие в содействии международному развитию [5, с. 888; 8, с. 70].

До 2005 г. участие России в СМР было ограниченным ввиду сложной экономической ситуации в стране. Тогда ее помощь сводилась в основном к списанию задолженностей по предоставленным СССР кредитам развивающимся странам [3, с. 141]. Однако, когда внутриэкономическая ситуация в стране стабилизировалась, у России появилась возможность стать полноценным участником программ СМР.

В 2007 г. вышла Концепция участия Российской Федерации в содействии международному развитию. Таким образом, Россия обозначила начало своего активного участия и вовлеченности в СМР. В документе отмечается, что «Российская Федерация рассматривает устойчивое социально-экономическое развитие стран и народов как необходимый элемент современной системы коллективной безопасности». Также необходимо подчеркнуть, что «Россия разделяет точку зрения о том, что основная ответственность за преодоление бедности и отсталости лежит, прежде всего, на правительствах самих развивающихся государств. Вместе с тем, очевидно, что кардинальное улучшение социально-экономического положения этих стран возможно только при условии принятия мировым сообществом решительных и согласованных мер по содействию их развитию»^{xii}. Так, мы видим, что с 2007 г. СМР является важным направлением внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности РФ.

Далее страна была принята в ОЭСР и вступила в КСР, что также расценивалось как вовлечение России в процесс СМР. Наряду с другими странами – участницами ОЭСР РФ оказывает содействие международному развитию по приоритетным для нее географическим и отраслевым направлениям, а также предоставляет данные об оказанной ей помощи (однако информация об СМР всех государств, задействованных в данном процессе, не носит полностью открытый характер). Однако конкретно в случае с Россией ситуацию осложняет то, что нет единого органа, занимающегося СМР, аналогичного, например, американскому USAID (U.S. Agency for International Development – Агентство США по международному развитию). В РФ сферой СМР занимаются следующие ведомства: Министерство финансов (инфраструктурные проекты), Министерство иностранных дел (стажировки дипломатических работников иностранных государств), МЧС России (гуманитарная помощь), Россотрудничество (СМР как инструмент политики «мягкой силы»).

В 2014 г. была утверждена новая редакция Концепции участия Российской Федерации в содействии международному развитию. В обновленном документе больше внимания уделялось именно двусторонним форматам оказания помощи развивающимся государствам, которые должны сначала направить соответствующий

запрос в адрес Российской Федерации, после чего подписываются соответствующие соглашения^{xiii}.

Также необходимо отметить, что данные, предоставляемые Россией в ОЭСР, касающиеся именно помощи отдельным странам, есть только с 2011 по 2017 г. (более ранние данные представлены в общем, без разбивки по странам) [3, с. 141].

При изучении объемов СМР со стороны России странам-реципиентам также нельзя не отметить, что Сирия идет в начале списка. В соответствии с рядом исследований, большая часть СМР России все равно приходится на страны СНГ, Республики Абхазия и Южная Осетия, т.е. очевидно, что Россия создает «пояс добрососедства». Далее акцент идет на помощь таким странам, как Киргизия, Таджикистан и Армения с целью евразийской интеграции. Что касается помощи Сирии, то, по различным данным, она составила 24 млн долл. США в 2011 г. Для сравнения, в период с 2011 по 2013 г. страны СНГ получили помощь в размере 190 млн долл. США [3, с. 143].

Однако представляется, что сравнивать российскую помощь Сирии с помощью другим странам в количественном показателе несколько нецелесообразно, так как эта помощь, в принципе, носит разный характер. Помощь РФ Сирийской Арабской Республике напрямую связана с разгоревшейся там в 2011 г. гражданской войной, интернационализировавшейся в дальнейшем в ходе вовлечения все большего количества участников извне. Российская помощь Сирии – это, по большей части, гуманитарная и продовольственная помощь. На протяжении вооруженной стадии конфликта, которая до конца не завершена и по сей день, помощь иного рода (гранты, кредиты) представлялась неактуальной, к тому же ранее торгово-экономическое и иного рода сотрудничество между Россией и Сирией не отличалось высокой интенсивностью. Однако с 2011 г. ситуация изменилась в связи с сирийским кризисом, так как постепенно РФ все больше и больше вовлекалась в процесс его урегулирования.

Согласно данным ОЭСР, помощь РФ в Сирии в сравнении с другими странами в период 2011–2015 гг. составила 5–10%^{xiv} (самый высокий показатель – 10%). Это показывает, что объемы помощи РФ Сирии увеличились в связи с сирийским кризисом, и показатель помощи Сирии занял второе место в общем объеме СМР России. Всего за отмеченный период на осуществление гуманитарной и продовольственной помощи Сирии Россия выделила 31 млн долл. США. Также в докладах ОЭСР отмечается, что приоритетными отраслями в двустороннем СМР России являются здравоохранение, продовольственная безопасность и образование^{xv}.

Как уже было отмечено ранее, в России сферой СМР занимается не одна государственная структура. Министерство финансов РФ представило отчет «Российский вклад в содействие международному развитию в 2014 г.». В документе выделен ряд приоритетных направлений СМР России в Сирии: «обеспечение доступа к важнейшим источникам жизнедеятельности, прежде всего к воде и электроэнергии», «содействие обеспечению продовольственной безопасности», «повышение качества и доступности образования», «создание и совершенствование национальных систем противодействия организованной преступности и международному терроризму»^{xvi}.

Согласно отчету Министерства финансов, в 2014 г., так же как и ранее, приоритетными направлениями российской помощи Сирии являлись гуманитарная и продовольственная помощь^{xvii}. Однако гуманитарная помощь Сирии была наиболее актуальна в период разгара сирийского кризиса. Сейчас же его вооруженная фаза близка к завершению, поэтому речь все чаще заходит о послевоенном восстановлении страны. Россия планирует принять в этом процессе самое активное участие. Среди инициатив, которые РФ будет осуществлять в Сирии, исследователь В.И. Бартнев выделил следующие:

1. «Заключение двух инвестиционных соглашений на общую сумму 850 млн долл. США, закрепивших участие российских компаний в восстановлении разрушенных электросетей, нефтедобывающих и нефтеперегонных станций в Сирии (апрель 2016 г.).
2. Восстановление при активном содействии российских специалистов участка железной дороги протяженностью 65 км из Тартуса в Джабли (осень 2016 г.).
3. Подписание компанией «Стройтрансгаз» (контрольный пакет акций принадлежит ООО «ОСХ», контролируемой, в свою очередь, владельцем ООО «Волга Груп» Г.Н. Тимченко) соглашения о восстановлении добычи фосфатов на двух месторождениях в окрестностях Пальмиры — Эш-Шаркия и Хнейфис, которые первоначально были «обещаны» иранцам (декабрь 2016 г.).
4. Участие специалистов «Стройтрансгаза» в достройке ГПЗ-214 (декабрь 2017 г.).
5. Подписание дорожной карты сотрудничества в энергетике и электроэнергетике на 2018 г. и последующий период, предусматривающей восстановление, модернизацию и строительство новых энергообъектов в Сирии (январь 2018 г.).
6. Подписание дорожной карты в нефтегазовой отрасли (апрель 2018 г.)» [2, с. 758].

Также В.И. Бартнев отметил, что «правительство Сирии также предлагает ОАО "РЖД" участвовать в восстановлении одной из важнейших для экономики страны веток Пальмира — Тартус (длиной почти 300 км) через Хомс, что позволит доставлять продукцию, добытую на фосфатных месторождениях, на побережье с целью последующего экспорта; стоимость контракта оценивается в 2 млрд долл. США. Более того, по словам главы Минпромторга России Д.В. Мантурова, российские компании считают перспективными направлениями для инвестиций в Сирию также химическую промышленность, строительство и машиностроение, а также сельское хозяйство, поставки лекарственных средств (а в перспективе — их выпуск на территории Сирии), восстановление аэронавигационной инфраструктуры» [2, с. 759].

Отраслевые приоритеты Китая в СМР Сирии

Информация, связанная с поставкой китайской помощи развивающимся странам, в том числе странам Ближнего Востока, доступна в ограниченном количестве. Прежде всего, это связано с тем, что правительство КНР относит детальную информацию о программах содействия международному развитию к категории государственной тайны. Министерство финансов Китая выборочно публикует информацию для использования в научных целях^{xviii}. Примером является база данных AidData при Колледже Уильяма и Мэри, которая предоставляет информацию о проектах и грантах, реализуемых КНР в период с 2000 по 2014 г. В рамках данного исследования временной отрезок сокращается до 2011–2014 гг.

В отличие от РФ, Китай не предоставляет информацию в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Однако данная структура публикует некоторое количество информации о программах СМР, реализуемых Китаем^{xix}.

Сайт базы данных при Колледже Уильяма и Мэри предоставляет два файла: AidData's Geocoded Global Chinese Official Finance, Version 1.1.1 и Global Chinese Official Finance Dataset, Version 1.0, которые предоставляют информацию о финансировании КНР 4,373 проектов на общую сумму 354,4 млрд долл. США (с 2000

по 2014 г.). База данных содержит данные о суммах и отраслях, в которые были осуществлены вложения.

Что касается непосредственно Сирии, анализируя данные из AidData, трудно делать какие-либо выводы, поскольку известен объем финансирования лишь 5 проектов из 11, два из которых датируются 2012 и 2014 г. Общая сумма данных проектов составляет примерно 40 млн долл. США. Стоит отметить, что помощь КНР Сирии в 2012 и 2014 г. состояла в реагировании на чрезвычайные ситуации, что непосредственно связано с тяжелейшим кризисом в САР^{xx}.

Согласно данным AidData, в период с 2000 по 2014 г. на территории Сирии Китай вкладывал в такие отрасли, как образование, добыча полезных ископаемых, поддержка неправительственных организаций и коммуникации.

Проанализировав приведенные выше данные, можно сказать, что в период гражданской войны в Сирии Китай значительно сократил свое присутствие в данной стране. На фоне помощи, которая была оказана другим странам, вложения в Сирию незначительны.

Однако не стоит забывать, что до волны протестов 2011 г., которые повлекли за собой войну, Китай был одним из ключевых торговых партнеров Сирии, что свидетельствует об исторически сложившихся партнерских отношениях между государствами. Позиция Пекина в течение войны в Сирии свидетельствует о том, что Китай рассчитывал на сохранение взаимовыгодных отношений и в поствоенный период.

Согласно мнению многих исследователей, а также информации в СМИ, Китай станет ключевым донором в процессе восстановления Сирии. Вероятнее всего, отношения будут выстраиваться на принципе взаимной выгоды.

Несмотря на недостаток данных по китайской помощи странам Ближнего Востока, в том числе и Сирии, опираясь на данные более раннего периода, можно предположить, какие отрасли окажутся в числе приоритетных для Пекина. Изначально заинтересованность КНР Ближним Востоком обусловлена растущей потребностью в энергоресурсах, поэтому поначалу китайские инвестиции, в основном, вливались в данную отрасль. В период с 2006 по 2011 г. инвестиции в данную сферу варьировались от 5 до 25 млрд долл. США. В 2011 г. было вложено около 20 млрд долл. США в инфраструктуру^{xxi}.

Предположительно КНР продолжит вкладываться в данные отрасли, особенно в сферу углеводородов, поскольку потребность растущей экономики Китая в энергоносителях лишь возрастает.

Рассматривая вопрос с Сирией, стоит учитывать геостратегический характер заинтересованности Пекина в данной территории. Важность сирийских портов в реализации проекта ОПОП будет играть ключевую роль в определении отраслевых приоритетов КНР. Прежде всего, осуществление торговли с Европой через сирийские порты и Средиземное море будет требовать обеспечения безопасности на данной территории. Также, с большой вероятностью, будут осуществляться вложения в развитие транспортной системы и строительство дорог.

Не стоит забывать, что в Пекине рассматривают Сирию и как крупный рынок сбыта китайских товаров. Вложения в восстановление инфраструктуры и производства, вероятно, станут ключом к вхождению и укреплению позиций в поствоенной Сирии.

Также можно предположить, что вложения будут осуществляться и в сферу образования.

Поскольку данные о китайской помощи в системе AidData имеются за 2000–2014 гг., а данные об СМР РФ по странам, предоставленные в ОЭСР, имеются, начиная с 2011 г., то период сравнения сужается до 2011–2014 гг.

Стоит отметить, что проводить сравнение отраслевых приоритетов России и Китая в СМР Сирии представляется трудной задачей, и тому есть ряд причин. Во-первых, это связано с тем, что Россия и Китай предоставляют данные об оказываемой ими помощи Сирии и другим развивающимся странам в разные структуры: Россия – в ОЭСР, а Китай – в базу данных AidData при Колледже Уильяма и Мэри, и в разном объеме. Например, Китай предоставляет лишь такое количество информации, которое необходимо для научных исследований в данной области. Во-вторых, затруднительно сравнивать отраслевые приоритеты России и Китая в СМР Сирии за данный период, в связи с нехваткой информации о реализованных проектах.

Заключение

В заключение можно сделать ряд выводов. Во-первых, необходимо отметить, что ближневосточный регион является одним из ключевых, но в то же время наиболее нестабильным в мире. Огромное количество запасов энергетических ресурсов, стратегически важные воздушные, морские и сухопутные развязки, которые, прежде всего, являются наиболее значимыми в контексте мировой экономики и экспорта нефти и газа, значительная численность населения – все это определяет место Ближнего Востока среди других регионов мира. Именно поэтому так важно стабилизировать обстановку в этой части мира, в том числе с помощью программ содействия международному развитию. Во-вторых, хотя Сирия не является приоритетным внешнеполитическим направлением ни для России, ни для КНР (так как более приоритетным является выстраивание отношений с приграничными государствами, а затем с крупными мировыми державами), тем не менее, этот регион представляет колоссальную важность как для России, так и для Китая. Обе страны оказывают активную помощь Сирии, однако при попытке подробного анализа отраслевых приоритетов помощи РФ и КНР Сирии исследователи сталкиваются с трудностями, так как далеко не вся информация является открытой.

Что касается прогнозов по участию России и Китая в восстановлении Сирии в послевоенный период, то представляется очевидным, что эти два государства останутся ключевыми партнерами САР и примут самое активное участие в данном процессе.

Прежде всего, это связано с тем, что для официального Дамаска Китай, Россия и Иран являются ключевыми партнерами на международной арене, на которых будет делаться ставка в процессе восстановления страны. Однако разница состоит в том, что, в отличие от Китая, сирийская военная кампания оказалась достаточно затратной как для России, так и для Ирана. Усилия, вложенные РФ и ИРИ в победу над терроризмом и сохранение режима Б. Асада, позволят рассчитывать на крепкие партнерские отношения с Сирией. Несмотря на ярко выраженное желание РФ принять самое активное участие в восстановлении Сирии и уже ведущемся обсуждении ряда проектов, в которые РФ готова вложиться, российские власти понимают, что слишком много Россия вложить в Сирию не сможет.

В то же время объем инвестиций КНР не сравнится с тем, что сможет предложить Россия. Китай, который не понес значительных затрат на военные действия, и экономика которого постоянно растет, сможет инвестировать в больших объемах, нежели другие страны. Также стоит отметить, что вложения Китая обусловлены скорее непосредственной заинтересованностью Пекина в Сирии, как территории, на которой представляется возможным осуществление различного рода проектов, выгодных обеим сторонам.

Благодарности: Статья подготовлена в рамках научного проекта РГНФ – Китайская академия общественных наук (КАОН) No 17-27-21002 на тему «Российская и китайская помощь странам Азии и Африки: сравнительный анализ и перспективы координации».

Acknowledgments: The article was prepared within the framework of the scientific project of Russian Humanitarian Scientific Fund — Chinese Academy of Social Sciences No 17-27-21002 «Russian and Chinese assistance to Asian and African countries: comparative analysis and coordination prospects».

Литература

1. *Бартенев В.И.* Секьюритизация сферы содействия международному развитию: анализ политического дискурса // Вестник международных организаций. – 2011. – №3 (34). – С. 37–50.
2. *Бартенев В.И.* «Взаимно гарантированная обструкция?» Россия, страны Запада и политические дилеммы восстановления Сирии // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. – 2018. – Т. 18. – № 4. – С. 755–774.
3. *Белецкая М.Ю.* Российское содействие международному развитию: оценки и перспективы // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. – 2015. – Т. 13. – С. 138–155.
4. *Глазунов О.Н., Савченко А.Л.* Особенности и приоритеты внешней политики Китая в странах Ближнего Востока // Общество: политика, экономика, право. – 2018. – № 3. – С. 22–26.
5. *Дегтерев Д.А., Трусова А.А., Черняев М.С.* Приоритетные направления российской и китайской помощи в целях развития странам Азии и Африки: сравнительно-сопоставительный анализ // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. – 2018. – Т. 18. – № 4. – С. 888–905.
6. *Дегтерев Д.А.* Основные подходы к оказанию содействия международному развитию // Вестник МГИМО Университета. – 2011. – № 4. – С. 99–103.
7. *Дегтерев Д.А.* Содействие международному развитию как инструмент продвижения внешнеполитических и внешнеэкономических интересов // Вестник МГИМО Университета. – 2012. – № 2. – С. 47–57.
8. *Дегтерев Д.А.* Российская Федерация как новый международный донор: дилеммы идентичности // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2013. – № 2. – С. 69–85.
9. *Дегтерев Д.А.* Российская политика в сфере содействия международному развитию: контуры партнерства со странами БРИКС // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. – 2014. – № 1. – С. 5–12.
10. *Джаззан Ф.* Внешние факторы урегулирования сирийского кризиса // Социально-политические науки. – 2016. – № 2. – С. 75–76.
11. *Ходынская-Голенищева М.С.* Сирия: трудный путь от войны к миру. Многосторонняя дипломатия сирийского урегулирования. – М.: Абрис, 2019. – 720 с.
12. *Phillips C.* The Battle for Syria. International Rivalry in the New Middle East. New Haven: Yale University Press, - 2016. 352 p.

References

1. Bartenev V.I. Sek'yuritizatsiya sfery sodeystviya mezhdunarodnomu razvitiyu: analiz politicheskogo diskursa [Securitization of International Development Aid: Political Discourse Analysis]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy* [International Organisations Research Journal]. 2011, I. 3 (34), pp. 37–50.
2. Bartenev V.I. «Vzaimno garantirovannaya obstruktsiya?» Rossiya, strany Zapada i politicheskiye dilemmy vosstanovleniya Sirii [‘Mutually Assured Obstruction’? Russia, the West and Political Dilemmas of Syria’s Reconstruction]. *Vestnik RUDN. Seriya:*

Mezhdunarodnyye otnosheniya [Vestnik RUDN. International Relations]. 2018, V. 18, I. 4, pp. 755–774.

3. Beletskaya M.Yu. Rossiyskoye sodeystviye mezhdunarodnomu razvitiyu: otsenki i perspektivy [Russia's International Development Assistance: Assessment and Prospects]. Nauchnyye trudy: Institut narodnokhozyaystvennogo prognozirovaniya RAN [Scientific Works: Institute of Economic Forecasting of RAS]. 2015, V. 13, pp. 138–155.

4. Glazunov O.N., Savchenko A.L. Osobennosti i priorityety vneshney politiki Kitaya v stranakh Blizhnego Vostoka [Features and priorities of China's foreign policy in the Middle East]. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo* [Society: Politics, Economics, Law]. 2018, I. 3, pp. 22–26.

5. Degterev D.A., Trusova A.A., Chernyayev M.S. Priorityetnyye napravleniya rossiyskoy i kitayskoy pomoshchi v tselyakh razvitiya stranam Azii i Afriki: sravnitel'no-sopostavitel'nyy analiz [Priorities of Russian and Chinese Development Cooperation to Asia and Africa: A Comparative Analysis]. *Vestnik RUDN. Seriya: Mezhdunarodnyye otnosheniya* [Vestnik RUDN. International Relations]. 2018, V. 18, I. 4, pp. 888–905.

6. Degterev D.A. Osnovnyye podkhody k okazaniyu sodeystviya mezhdunarodnomu razvitiyu [Basic Approaches to the International Development Assistance]. *Vestnik MGIMOUниверситета* [MGIMO Review of International Relations]. 2011, I. 4, pp. 99–103.

7. Degterev D.A. Sodeystviye mezhdunarodnomu razvitiyu kak instrument prodvizheniya vneshnepoliticheskikh i vneshneekonomicheskikh interesov [Assistance to International Development as a Tool for Promoting Foreign Policy and Foreign Economic Interests]. *Vestnik MGIMOUниверситета* [MGIMO Review of International Relations]. 2012, I. 2, pp. 47–57.

8. Degterev D.A. Rossiyskaya Federatsiya kak novyy mezhdunarodnyy donor: dilemmy identichnosti [Russian Federation as a New International Donor: Identity's Dilemmas]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy: obrazovaniye, nauka, novaya ekonomika* [International Organisations Research Journal]. 2013, I. 2, pp. 69–85.

9. Degterev D.A. Rossiyskaya politika v sfere sodeystviya mezhdunarodnomu razvitiyu: kontury partnerstva so stranami BRIKS [Russian IDA Policy – Contours of BRICS Partnership]. *Vestnik RUDN. Seriya: Mezhdunarodnyye otnosheniya* [Vestnik RUDN. International Relations]. 2014, I. 1, pp. 5–12.

10. Dzhazzan F. Vneshniye faktory uregulirovaniya siriyskogo krizisa [External Factors of the Syrian Crisis Settlement]. *Sotsial'no-politicheskiye nauki* [Sociopolitical Sciences]. 2016, I. 2, pp. 75–76.

11. Khodynskaya-Golenishcheva M.S. *Siriya: trudnyy put' ot voyny k miru. Mnogostoronnyaya diplomatiya siriyskogo uregulirovaniya* [Syria: Difficult Path from War to Peace. Syrian Settlement Multilateral Diplomacy]. Moscow, Abris Publ., 2019, 720 p.

12. Phillips C. *The Battle for Syria. International Rivalry in the New Middle East*. New Haven: Yale University Press Publ., 2016, 352 p.

ⁱ Повестка дня для развития. Доклад Генерального секретаря ООН А/48/935 // Официальный сайт ООН. 06.05.1994. URL: http://www.un.org/ru/siteindex/agenda_forpeace.pdf (дата обращения: 24.08.2019).

ⁱⁱ Дополнение к Повестке дня для мира А/50/60 – S/1995/1 // Официальный сайт ООН. 25.01.1994. URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N95/080/97/PDF/N9508097.pdf?OpenElement> (дата обращения: 24.08.2019).

ⁱⁱⁱ Декларация Тысячелетия Организации Объединённых Наций // Официальный сайт ООН. 8.09.2000. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summitdecl.shtml (дата обращения: 24.08.2019).

^{iv} Концепция внешней политики Российской Федерации. 30.11.2016. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41451> (дата обращения: 24.08.2019).

-
- ^v Генштаб РФ: проект конституции Сирии предполагает республиканскую форму правления // ТАСС. 29 января 2017. URL: <https://tass.ru/politika/3980683> (дата обращения: 07.09.2019).
- ^{vi} МИД опубликовал текст меморандума о создании зон деэскалации в Сирии // РИА Новости. 6 мая 2017. URL: <https://ria.ru/20170506/1493802261.html> (дата обращения: 07.09.2019).
- ^{vii} Сирийский конгресс в Сочи: диалог без ясных результатов // BBC News Русская служба. 31 января 2018. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-42882017> (дата обращения: 07.09.2019).
- ^{viii} Подробнее см.: Lyall N. China in the Middle East: Past, Present and Future // The Diplomat. February 16, 2019. URL: <https://thediplomat.com/2019/02/china-in-the-middle-east-past-present-and-future/> (accessed: 24.08.2019).
- ^{ix} Ibid.
- ^x Lyall N. China in Postwar Syria // The Diplomat. March 11, 2019. URL: <https://thediplomat.com/2019/03/china-in-postwar-syria/> (accessed: 24.08.2019).
- ^{xi} Burton G. China and the Reconstruction of Syria // The Diplomat. July 28, 2018. URL: <https://thediplomat.com/2018/07/china-and-the-reconstruction-of-syria/> (accessed: 24.08.2019).
- ^{xii} Концепция участия России в содействии международному развитию. 14.06.2007 // Минфин России. Официальный сайт. URL: <https://www.minfin.ru/ru/performance/international/development/#> (дата обращения: 24.08.2019).
- ^{xiii} Концепция государственной политики Российской Федерации в сфере содействия международному развитию. 20.04.2014 // Минфин России. Официальный сайт. URL: <https://www.minfin.ru/ru/performance/international/development/#> (дата обращения: 24.08.2019).
- ^{xiv} Asmus G., Fuchs A., Müller A. Russia's Foreign Aid Re-emerges // BRICS and Foreign Aid. 2017. URL: <https://www.aiddata.org/blog/russias-foreign-aid-re-emerges> (accessed: 24.08.2019).
- ^{xv} Development Co-operation Report 2017: Data for Development. // OECD Library. URL: https://read.oecd-ilibrary.org/development/development-co-operation-report-2017/profiles-of-other-development-co-operation-providers_dcr-2017-43-en#page11 (accessed: 24.08.2019).
- ^{xvi} Российский вклад в содействие международному развитию в 2014 году // Минфин России. Официальный сайт. URL: <https://www.minfin.ru/ru/performance/international/development/#> (дата обращения: 24.08.2019).
- ^{xvii} Там же.
- ^{xviii} Connective Financing: Chinese Infrastructure Projects and the Diffusion of Economic Activity in Developing Countries // AIDDATA A Research Lab at William & Mary. September 2018. URL: http://docs.aiddata.org/ad4/pdfs/WPS64_Connective_Financing_Chinese_Infrastructure_Projects_and_the_Diffusion_of_Economic_Activity_in_Developing_Countries.pdf (accessed: 24.08.2019).
- ^{xix} Development Co-operation Report 2017: Data for Development // OECD. URL: https://read.oecd-ilibrary.org/development/development-co-operation-report-2017/profiles-of-other-development-co-operation-providers_dcr-2017-43-en#page14 (accessed: 24.08.2019).
- ^{xx} Dreher A., Fuchs A., Parks B.C., Strange A.M., Tierney M.J. Aid, China, and Growth: Evidence // New Global Development Finance Dataset. 2017. URL: <https://www.aiddata.org/data/chinese-global-official-finance-dataset> (accessed: 24.08.2019).
- ^{xxi} Wolf C., Wang X., Warner E. China's Foreign Aid and Government-Sponsored Investment Activities // National Defense Research. 2013. URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_reports/RR100/RR118/RAND_RR118.pdf (accessed: 24.08.2019).